

И смерть, и страданье над ними витают...

Белгородцы в окопах Первой мировой войны

НАША ИСТОРИЯ

Борис ОСЫКОВ

Эту семейную реликвию далёкой и почти забытой войны я увидел в селе Павловка, что на реке Псёл. Туда, на свою малую митупу родину, отец увозил нас из города на все летние каникулы. Вот там, в старой дедовской хате я и увидел её - небольшую, пожелтевшую от времени фотографию, прибитую гвоздиком к чисто выбеленной стене. На снимке стояли два бравых солдата. В длиннополых шинелях с башлыками, в серых патронах. У одного из них - высокого, усатого - на шинели две медали на георгиевских лентах и серебряный крест.

Мой дед - георгиевский кавалер

Кавалером «солдатского Георгия» был мой родной дед Александр Андреевич Осыков. Он честно прошёл всю «германскую» - с августа 1914-го до смутных месяцев 1917-го, был трижды ранен и снова возвращался с полями.

Я не раз просил его рассказать мне про войну, показать Георгиевский крест и медали (они хранились в большом сундуке под висячим замком), но он - всегда озабоченный, хмурый - отмалчивался. Да и недосуг ему было возиться с внуками. Тяжкими были для крестьян послевые сороковые, да и последние годы. Чтобы заработать «живую колею» (в колхозе ведь любой труд «отплячивался» тогда «палочками») трудящийся в артельной ведомости, он, уже покорный, усталый, до рассвета отправлялся пешком за одиннадцать километров на кирпичный завод. Тяжко работал там и возвращался с сумерками...

Он рано, слишком рано ушёл из жизни, мой молчаливый дед, беззаветный труженик и отважный Георгиевский кавалер...

Поручик Крутиков

Вторая - заочная - встреча с ёщё одним земляком - участником Первой мировой войны про-

шла сплошной лавиной неспись и неспись вперед.

За шумом боя, охвостёнными и отчаянными криками «кура» Дмитрий уже не слышал никаких команд, и сам бежал молча, увлекаемый общим массой. У проводивших заграждений всё перемешалось. Стали рваться немецкие гранаты, усилился ливень смертельный синица. Одни из пуль ударили Дмитрия. Ещё не понял, что ранен, он продолжал вместе со всеми прорыться сквозь проволочную паутину, на виду спасность сделала ноги ватными... На помощь подоспел Бутыри...

Дмитрий отправился в госпиталь, в Москву. Кровь и страшные, которые он видел на фронте и здесь, в тыловом госпитале, не надломили его. Он с неожиданной отчётливостью понял: ни русским, ни немцам не нужна жуткая мясорубка. Она же лежала лишь тем, кто раздул военный пожар, кто наживалась воле этого чудовищного огня, сжигающего тысячи жизней. Огонь этот пылает уже на русской земле. И его необходимо остановить...

Почти месяца в госпитальной палате. И сноva - передовая. Новое ранение - в обе ноги. И новое - на этот раз более тяжёлое - отравление немецкими газами. В Калужском военном госпитале он прөведёт не один месяц. Здесь промет активное участие в организации Союза ученых воин-

Фото из личного архива Бориса Осыкова

Дмитрий Иванович Крутиков

изошла гораздо позже. Я был уже студентом-филологом и собирал материалы для своей первой книжки - о писателе Дмитрии Ивановиче Крутикове (1893-1932).

... окончив реальное училище в Старом Осколе, Дмитрий Крутиков поступил в Петербургский электротехнический техникум. После второго курса приехал на каникулы в родной город. Здесь тихим августовским днём слово «война» ворвалось в жизнь, властно ей изменяв.

Страна жила сообщениями с фронта, «гнилой сотни людей». Они отдают жизни за Русь, а я, полный сил, отсиживаясь в тылу», - думал Дмитрий. Юноша решил уйти на фронт. Дома он никому не сказал об этом. Не дожидаясь конца каникул, уехал в Петроград (бывший Петербург) и подал просьбу об открытии на фронт. Добровольца Крутикова зачислили в Московский пехотный полк. В 1915-м присвоено звание поручика и переведено в действующую армию - в 553-й Новониколаевский полк, где он занимался службами связи. К поручику Крутикову был прикомандирован немолодой солдат Тихон Бутыри - крестьянин из села под Брянском.

Месяцами жили в земле, в глинистых ямах тянувшихся на километры окопов. Редкие атаки чередовались с частными артиллерийскими обстрелами. Потом получили приказ: перейти в наступление. На заре началась гротескная канонада. Взали с тёмной пытнины немецких заграждений взметнулись столбы взрывов. Резкие выкрики команд, из окопов выплескиваются русские цепи, катятся к месту недавних взрывов. Бегут во весь рост. Немцы открыли губительный огонь. Но, несмотря на потерю, новые

нов и станет его председателем. А потом заползлая Гражданская война. И ех он пройдёт от начала до конца. И о нём, в окопах и трухениках напишет - уже после войны - свои лучшие книги: «Люди конные», «Целина»...

Князь Касаткин-Ростовский

Ещё один земляк - участник Первой мировой войны - доблестный офицер русской армии, кавалер боевых наград и талантливый поэт князь Фёдор Николаевич Касаткин-Ростовский. Он родился в ноябре 1875 года в слободе Чернянка (по другим данным - в Петербурге). Служил в армии, в 1916-м произведён в полковники. И писал стихи.

Первые из них появились в печати в 1894 году. В 1900-м в Санкт-Петербурге издал первый сборник «Стихотворения». В 1913 предвоенном году написал слова для получившего огромную популярность вальса «Осеннен сон».

В сражениях Первой мировой князь Касаткин-Ростовский получил ранение и четыре контузии, был отправлен в госпиталь, но настоял на возвращении в строй. И повсюду - в блиндах и в окопах, в деревенской избе и в исчёзнувшей скоплении снарядов, проходившей стыльными ветрами рощице - заносил он в свою походную тетрадь возникшие строчки:

Дождь пеленою нависнувший, как полог.
Дорога грязная. Печальный край краю,
Ни зву в тыме... И путь
лечебный болото.
Нельзя прилечь, на мазь забыться сном.
Что тени смутные, без
громких разговоров,

Фото из личного архива Бориса Осыкова

А это увидел поэт-воин на фронтовой дороге, у маленькой деревни Крупец:

Вот беженец старый...
С ним малички и донки.
В глазах отраженье тоски.
По грязи за ними плетётся корова,
В повозке весь скрап
бедняков.
Сожали их деревеню... И долго
мела, сущаясь, без кровя
Судьба им бродить
меж лесов.
А там... где пылают
безмолвные хаты,
За блещущей тихо рекой,
С утра и до ночи дурются
солдаты,
Там выстrelы, стоян и бой,
Там муха, отважа и смерти
выханье,
И какжутся арэзы и сном
Средь ужасов венчных и леса
штепанье
И тишия полевая кругом...

«Тетрадь первая» его книги стихов «С войны (Листки походной тетради)» выйдет из печати уже в первый год войны. В последующие 1916-й и 1917-й годы появятся новые «Тетради» - вторая и третья...

Инженер Величко

В историю Первой мировой войны достойно и прочно вошло имя еще одного белгородца, выдающегося военного инженера Константина Ивановича Величко. Родился он 1 июня 1856 года в городе Короча в дворянской семье. В 1881 году окончил Николаевскую инженерную академию первым по успеваемости, его имя занесли на мраморную доску. Был оставлен при академии преподавателем. В 1890 году Константин Величко стал профессором академии по кафедре фортификации. С 1903 года - помощник начальника Главного военно-инженерного управления.

Константин Величко - автор многих научных трудов по фортификации. Под его руководством был разработан целый ряд проектов реконструкции важнейших военных крепостей на западных границах страны и на Дальнем Востоке. Он руководил проектом строительства крепости Порт-

Артур, проектами укреплений Ляяна, Мукдена, Харбина.

Русско-японская война огнём проверила мысль и дело учёного. Величко - участник этой войны, генерал для поручений при главнокомандующем. За храбрость и мужество, проявленные в боях, был награждён двумя орденами и золотым оружием.

Во время Первой мировой войны Константин Величко - начальник инженеров 11-й армии, начальник инженеров Юго-Западного фронта. Предложил новую форму инженерного оборудования местности для наступления: «инженерные плацдармы». Впервые такой плацдарм был создан при подготовке знаменитого Брусиловского прорыва.

В феврале 1918 года Константина Ивановича добровольно вступил в Красную армию, руководил инженерной обороной Петрограда. С марта 1918 года он - председатель коллегии по инженерной обороне государства при Главном инженерно-техническом управлении РККА (Рабоче-крестьянской Красной Армии).

Белгородцы

на Первой мировой войне

Воинами Первой мировой (Второй Отечественной) войны были: авиатор, кинематографист Николай Антощенко (1894-1975); генерал-лейтенант Андрей Астанин (1897-1960); кавалер Георгиевского креста IV, III и II степеней З.А. Беспалов (1866-1947); военачальник А.Н. Борисенко (1889-1939); минный машинист линкора «Святой Евстафий» Г.Д. Горянов (1892-1918); лётчик, авиаконструктор К.А. Калинин (1889-1940); полный георгиевский кавалер А.С. Касатонов (1880-1968); генерал-майор, Герой Советского Союза И.С. Лазаренко (1895-1944); писатель М. Майский (М.С. Булгаков) (1889-1960); генерал-майор медицинской службы П.В. Мандрыка (1884-1943); генерал-майор медицинской службы Л.Р. Маслов (1895-1969); генерал-майор, кавалер ордена Святого Станислава, Святой Анны и Святого Владимира Н.В. Маслов (1837 - после 1917); хирург, действительный член Академии медицинских наук СССР С.Р. Миртоворцев (1878-1949); Герой Социалистического Труда А.К. Мирошников (1893-1967); генерал-майор И.З. Пашков (1897-1981); георгиевский кавалер К.П. Летушков (1890-1969); генерал-квартирмайстер штаба Юго-Западного фронта Н.И. Ратынь (1875-1938); генерал-майор инженерно-артиллерийской службы А.М. Сергиенко (1897-1968); вахмистр лейб-гвардии гусарского полка М.Е. Трунов (1881-1919); генерал-майор И.М. Тынянских (1890-1964); участник знаменитого Брусиловского прорыва, впоследствии генерал-майор П.В. Черняев (1897-1942); подполковник медицинской службы, почётный гражданин Белгорода (1968) И.А. Чечранов (1892-1981)

и еще тысячи наших земляков - крестьян, рабочих, священнослужителей, мещан.

Фото из личного архива Бориса Осыкова

Георгиевский кавалер Александра Андреевича Осыкова (слева)